

Анатолий Беляев

Судьба геолога

ОСЕННИЙ ЗАПЛЫВ

Непогода бесновалась всю ночь. Дождь яростно барабанил по ветхой драночной крыше, а ветер завывал в печной трубе, ритмично аккомпанируя себе ударами чердачной двери и скрипом ржавых петель. Водянистый свет раннего утра пятнами сочился сквозь закопченное стекло крошечного окна. На грубо сколоченном деревянном столе белела оплывшая восковая свеча. Из глубины низкого зимовья алмазным блеском искрился световой блик, отраженный вороненым казенником двустволки.

Крупная и холодная капля неожиданно упала с потолка на лицо, и окончательно вырвала меня из объятий бога сновидений Морфея.

Еще со студенческих экспедиционных времен я научился делать зарядку, не вылезая из спального мешка – для укрепления брюшного пресса прямыми ногами выписал в воздухе цифры от нуля до десяти. Ухватившись за буровую штангу, укрепленную под самым потолком, подтянулся четыре раза вместе со спальным мешком.

В зимовье было прохладно и сыро. Крыша протекала в нескольких местах, и по черным бревенчатым стенам стекала вода. Влажный брезент энцефалитки охлаждал тело.

Многим горожанам этот мир показался бы унылым и неудобным. Но в каждом человеке есть свой внутренний мир и именно от его состояния во многом зависит восприятие внешнего мира. Это уже давно поняли на Востоке и занимаются совершенствованием внутреннего мира. Но с явным перебором в другую сторону. Конечно самодостаточность, быть может, и создает иллюзию некоего совершенства, но больше напоминает наркоманию.

От одной спички в буржуйке загорелась растопка берестяного свитка. Огонь лизнул смолистые поленья и бодро загудел в печной трубе. Окно сразу запотело. Через широкий след от ладони на запотевшем стекле, проявился мокрый и серый мир. Мутная пелена дождя висела над озером. Скалы на противоположном берегу совсем не просматривались.

Сегодня определенно светил выходной день. Как говорится «какой ни дождишко, а все геологу передышка». И не всегда маленькая. В это сезон дождей хватало с избытком. Все началось с того, что первый лагерь разбили под проливным дождем, который не прекращался еще пятнадцать дней, и мы не сделали ни одного маршрута. Извелись от безделья. Зато потом пришлось нагонять и, чтобы выполнить геологическое задание, все лето работали без выходных.

На соседних нарах с головой завернувшись в спальный мешок, храпел коллектор Колыбанов – студент

второго курса нашей кафедры геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов. Здоровый парень, сажень в плечах, необычайно длиннорукий и с непропорционально маленькой для такого тела головой. Студент чем-то напоминал лося, но только без рогов. Он уже второй год ездил в экспедиции с нашей урановой группой.

Колыбанов обожал всякие восточные премудрости. Над его головой красовалась табличка из бересты с надписью из Хатха-йога:

"Освободи мускул,
сила – в покое"

Неожиданно коллектор так заскрипел во сне зубами, так, что я вздрогнул. У изголовья его спального мешка, в который он, по обыкновению, завернулся с головой, лежал машинописный опус по китайской гимнастике.

«Упражнение 3, – прочитал я на открытой странице, – сжимание зубов верхней и нижней челюстей: 20-30 раз крепко сжать зубы, затем произвести 30-40 постукиваний зубами»

Тут коллектор, несомненно, превзошел меня. Он делал свою гимнастику во сне. Я подождал, не начнет ли он стучать зубами, но Колыбанов вдруг всхрапнул словно конь.

«Упражнение 4, – гласил дальше текст наставления, – Раздувание щек. Произвести 30-40 раздуваний щек в среднем темпе».

– Наташка! Наташка! Наташка! – вдруг закричал во сне Колыбанов, и, немного помолчав, выдохнул: – Краса-а-а-вица!

В эту экспедицию Колыбанов взял с собой охотничье ружье двенадцатого калибра, зарядов на пятьсот патронов и поставил перед собой цель научиться стрелять влет. Я объяснял коллектору, что надо сначала почитать книги, и кое-что узнать о скорости полета птиц, направлении и величине упреждения. Но на редкость упрямый студент самодовольно заявил, что такого количества патронов будет вполне достаточно, для того чтобы научиться отлично стрелять влет без всяких нравовучений. А пока он не мог попасть мелкой дробью с двадцати метров в консервную банку. Сначала я удивлялся такому неумению, но все объяснилось очень просто. Колыбанов нажимал сразу оба спусковых крючка, но так как полной синхронности выстрелов не получалось, то ружье отдачей бросало в сторону. Я пытался объяснить упрямому студенту, что стрелять сразу из двух стволов, во-первых, опасно, а, во-вторых, безрезультатно.

«Да, но при этом дробь вдвое больше летит», – ухмылялся Колыбанов.

«Верно, но только она летит в другое место, а не в цель», – возражал я.

Накануне в маршруте, когда я записывал в полевой дневник геологию обнажения, Колыбанов отпросился поохотится на уток – в четырехстах метрах дальше по ходу располагалось на небольшое лесное озеро.

«Хорошо, иди вперед, – кивнул я, – если найдешь по пути обнажение, то жди меня, а если нет, то встретимся на озере. Кстати разведи костер, и вскипяти воду для чая, там и перекусим».

Колыбанов убрал в рюкзак образцы и ушел на озеро. Спустя несколько минут послышались частые выстрелы. Я закончил работу и направился к озеру, уверенный, что Колыбанов подстрелил утку и сейчас поджаривает ее на костре. На берегу меня встретил смущенный студент.

«Ну, где утки?»

«Их было много, и все улетели, но одного гуся подранил и сейчас он там, в камышах на другом берегу озера».

«Разводи костер, сейчас перекусим».

«Михалыч! Подранка оставлять нельзя. Ты сначала обойди озеро и выгони из камышей гуся, я спрячусь, и он поплывет ко мне».

Я направился в обход небольшого озера. Заросли камышей узкой полосой тянулись вдоль берега. В траве зашелестела какая-то птица, и из камышей выплыл нырок. Стрелять по таким уткам совершенно бесполезно, так как они успевают нырнуть в воду раньше, чем до них долетит заряд дроби. Однажды наш геофизик по неопытности безрезультатно извел на такой охоте сорок восемь патронов.

Утка нырнула. Я осмотрел противоположный берег, прикидывая, где в камышах спрятался Колыбанов. Если утка вынырнет в створе между мной и охотником, то и мне может перепасть от двойного дробового заряда.

«Эй, Колыбанов, – крикнул я, пользуясь тем, что утка еще под водой, – ты осторожней, смотри, в меня не попади!»

В этот момент утка вынырнула как раз в створе между мной и стрелком. Колыбанов, забыв обо всем на свете, привстал и пальнул сразу из двух стволов. Две пригоршни дроби полетели в мою сторону. Утка благополучно нырнула раньше, чем дробины коснулись воды. Зато траектория полета дроби получилась очень пологой и вся она срикошетила от воды. Реакция у меня была не хуже чем у нырка, и я успел закрыть лицо кожаной полевой сумкой, висевшей на боку. С ног до головы меня осыпало дробью. Несколько дробинок до крови поранили тыльную сторону правой ладони.

Я громко вскрикнул, так что Колыбанов не на шутку испугался и заорал:

«Михалыч! Что, попал?»

«Попал!» – со злостью ответил я, чувствуя, что и сам виноват.

Мимо нас, насмешливо крякая, пролетела невредимая утка.

Сегодня мы с Колыбановым дежурили и отвечали за приготовление завтрака. Кухня находилась в соседнем доме. Несколько лет назад здесь на развалинах хутора базировалась круглогодичная геологическая партия, проводившая поисково-съёмочные работы. От нее остались два целых бревенчатых домика и развалины еще нескольких, остатками которых мы топили печи. На самом берегу озера сохранилась маленькая банька, топившаяся «по-черному». В избушке-зимовье помимо нас с Колыбановым жили еще два геолога из урановой экспедиции, которые ушли в многодневный маршрут. А

в большом доме жили три геолога нашей университетской экспедиции:

Александр Сергеевич Воинов – кандидат геолого-минералогических наук, научный руководитель и ответственный исполнитель хоздоговорной темы. Он очень гордился тем, что в наследство от отца ему достались кожаные штаны и кепка, за что члены экспедиции называли его запросто Комиссар.

Старший инженер – Андрей Семенович Ефрон. На войне восемнадцатилетний младший лейтенант Ефрон командовал самоходным орудием, и в бою получил тяжелое осколочное ранение. Сразу после войны он был репрессирован и отсидел пять лет в лагерях, затем окончил горный институт и несколько лет работал в геологической экспедиции в Сибири. В обыденной жизни Ефрон мало внимания уделял своему внешнему виду. Однажды, я заметил ему, что у него постоянно расстегнута ширинка, из которой торчит кусок рубашки. И хотя у нас мужская компания, все равно это неприлично.

«На Тегеранской конференции Черчилль так ответил Рузвельту на аналогичное замечание: «Мертвый орел не вылетит из гнезда!» – с пафосом ответил Ефрон.

Но Андрей Семенович лукавил, «орел» иногда покидал гнездо и не без успеха – зимой у Ефрона родилась третья дочь.

Третий геолог Юрий Степанович Полеховский – научный сотрудник и начальник одного из отрядов нашей экспедиции – удивительно целеустремленный человек. В тайне я ему завидовал, так как он все делал вовремя,

не откладывая дела на «потом» – любимый прием всех лентяев.

В большом доме на веранде также размещались: кухня столовая и камералка.

Колыбанов еще с вечера зарядил кухонную плиту растопкой и заготовил сухие дрова на целый день. Вдвоем толкаться на веранде не имело смысла, и я решил не будить коллектора и сам приготовить завтрак. Вспомнилось, как в студенческие годы по утрам страшно хотелось спать.

Накинув на голову капюшон плаща, я вышел из зимовья. Крупные, но уже редкие капли дождя стегали по брезенту. Над озером стоял туман, и противоположный берег не просматривался.

По скользкой тропинке, петляющей среди высоких и мокрых зарослей иван-чая, я добрался до большого дома. В сенях споткнулся о старую немецкую каску, в которой Ефрон вымачивал рыжики. Андрей Семенович уже сидел на веранде с этюдником. Все свободное время он писал пейзажи, создавая по две – три акварели за день.

Ефрон пил чай и перед этюдником лежали сигареты и шоколадная конфета. Андрей Семенович безумно любил хорошие конфеты, но по причине бедности утром позволял себе только одну конфету. Но если кто-то оказывался рядом он тут же разрезал конфету на несколько частей и угощал.

В закопченном казане я сварил рисовую кашу с вяленым лосиным мясом и приготовил красный соусом.

После завтрака дождь превратился в мелкую морось. Накинув на голову капюшон брезентового плаща

Воинов, остановился у перил открытой веранды. Она нависала над крутым береговым склоном как нос древнего корабля. Словно командор Витус Беринг на баке пакетбота «Святой Пётр» Александр Сергеевич из под руки осмотрел сплошной массив дождливых облаков. В одном месте ему почудились просветы.

– Выходим в маршрут через два часа, – голосом великого командора объявил научный руководитель, – всем быть наготове. Предупреди Колыбанова, – добавил он для меня.

Ефрон собрался за это время написать с веранды второй пейзаж дождливого озера. Я тоже побежал за своим этюдником. Колыбанов лежал на нарах полностью готовый к маршруту: в штормовке, брюках, с радиометром на шее, гильза прибора с пистолетной ручкой, как автомат у десантника, засунута за нагрудные ремни. Ему оставалось встать и надеть резиновые сапоги.

– Кстати, как зовут твою девушку, который ты каждый день пишешь письма? – спросил я коллектора.

– Любаша, – с теплом в голосе ответил студент.

– А кто же такая Наташка, красотой которой ты восхищался во сне.

– Так, знакомая одна, в общежитии – смутился Колыбанов.

Я пристроил свой этюдник рядом с Ефроном, с завистью наблюдая, как он смело кладет мазки на влажный ватман. Набросав карандашом контуры пейзажа, я никак не мог подобрать цвет. Освещение менялось быстро и, пока я смешивал краски, облака перемещались.

«Выдающиеся китайские художники говорили: «Смотря на внешний мир, изучай природу, но ключ успеха ищи в своем сердце», – с видом гуру изрек Ефрон.

Дождь кончился. Ветер отряхнул капельки дождя с кустов и деревьев. Мы собрались в маршрут. Юра Полеховский, Комиссар и Ефрон шли работать на рудопроявление в кварцитах. Нам с Колыбановым предстояло на лодке переплыть на другой берег озера и сделать круговой поисковый маршрут. Я разбудил Колыбанова. Он вскочил как солдат по тревоге, быстро натянул резиновые сапоги и закинул за плечи ружье. По крутой и скользкой тропинке мы спустились к берегу. Но в бухточке лодки не оказалось. Я поднялся выше на берег и осмотрел озеро, но лодки нигде не увидел. Наверное, вчера мы ее плохо привязали и, разыгравшийся на озере шторм, угнал лодку. Это в лучшем случае. В худшем, ее могли забрать нарушители границы, и нам следовало немедленно доложить о пропаже лодки на погранзаставу, до которой по берегу озера пятнадцать километров.

Один раз в двое суток по озеру проходил пограничный бот – отвозил наряд на дальний пост, где из озера вытекала бурная Олонга. Но катер ожидался только завтра. Это мы знали точно, так как вчера командир катера старший матрос Северного флота Казимир Дзюба доставил нам в лагерь посылки из Ленинграда. Он также обещал привезти нам с дальнего поста невиданных размеров хариуса, которого поймал и засолил в прошлый рейс на Олонгу.

Без лодки нам никак нельзя, это наш единственный транспорт. Я поднялся в камералку и сообщил о про-

паже. Воинов отправил на поиски лодки Юру Полеховского, Колыбанова и меня. Мы двинулись на запад вдоль берега по едва заметной тропе. Ветер обязательно прибьет лодку к противоположному берегу, и мы ее обнаружим. Если ничего не найдем, то пойдем до погранзаставы, там сообщим о случившемся, а потом, с помощью пограничного катера обыщем озеро еще раз.

Еле заметная, сильно заросшая подлеском тропа шла в лесу вдоль берега озера. С деревьев капала вода и от высокой мокрой травы мы вымокли за несколько минут. Идти приходилось быстро, чтобы успеть на погранзаставу до темноты. Останавливались только на несколько минут – осмотреть берега озера в бинокль. За два часа прошли семь километров.

Вдруг я заметил, что впереди на нижнем суку древней разлапистой ели неподвижно, словно чучело в музее, сидит огромный филин. Прямо как в сказке! Колыбанов вскинул ружье, собираясь выстрелить в птицу слитным дуплетом, но я успел его остановить. Филин взлетел и, лавируя между деревьев, совершенно бесшумно исчез в чаще леса.

– Есть! – вдруг крикнул Юра Полеховский, разглядывая противоположный берег. – Вижу что-то красное!

На этом озере только наша лодка имела красный цвет.

– На! – Юра протянул мне бинокль. – Смотри левее большого валуна, в бухте.

– Да, это наша лодка, – подтвердил я, – вижу красный кожух подвесного мотора. Надо быстрее идти на заставу и просить у них катер.

– Когда мы дойдем, ночью? – возразил Полеховский, – Давайте быстро переплывем озеро, и до темноты на нашей лодке вернемся домой.

– Плот надо несколько часов строить, – я воспользовался передышкой и достал сигареты.

– Зачем на плот время терять. Так переплывем.

– Как это так переплывем? Тут расстояние километра два будет, вода градусов двенадцать и волна около полуметра.

– А как же Паня, – удивился Колыбанов.

– Какая Паня? – не понял Полеховский.

Я смутился, так как во время лодочных маршрутов по озеру, заливал Колыбанову, что в Пана-Ярви живет гигантская кумжа трех метров длины и полтонны весом. Как Лохнесское чудовище сокращенно называют Несси так и эту кумжу пограничники назвали Паня. Брюхо у кумжи оранжевое, а голова черная и по всему телу радужные пятна величиной с кулак. Паня любит подстергать на поверхности воды уток и гусей, а однажды схватила за ногу и утопила большого лося, переплывавшего озеро. Два раза она натолкнулась на пограничный катер и чуть не перевернула его. Многие годы пограничники пытаются изловить это чудовище, но она как паутину рвет сети. Я клялся, что своими глазами видел на заставе огромную сеть из танталовой проволоки, которую солдаты плетут для поимки Пани. После таких захватывающих рассказов, Колыбанов брал в руки бинокль и напряженно осматривал свинцовую воду озера, в ожидании, не покажется ли где мощная спина Пани.

Полеховский без восторга относился к моим шуткам и розыгрышам, и стыдно было признаться, что я «вешаю лапшу на уши» студенту второго курса, вместо того, чтобы учить его геологии.

– Что ты несешь, какая Паня, – замял я разговор, – шуток не понимаешь?

Колыбанов замолчал.

– Юра, давай вернемся в лагерь, срубим плот, переплывем на другой берег и заберем лодку, а? – предложил я.

Полеховский разделся и остался в черных трикотажных плавках.

– Ну, ты плывешь? – он снял очки.

– Или дойдем до заставы, возьмем у них казанку с мотором и за полчаса домчимся до нашей лодки.

– Ты плывешь или нет? – Юра направился к воде.

Я взглянул на Колыбанова.

– Два километра в десятиградусной воде? Плывите, если у вас ума нет, – невозмутимо и совершенно неуважительно ответил студент, – я хочу окончить университет, а не утонуть в тридцати метрах от берега.

От холодной воды у меня быстро сводило судорогой ноги. Когда я в школе на спор переплывал Неву в районе Володарского моста, левую ногу сводило три раза. Я с неохотой снял полевую сумку, ремень с наганом и вдруг почувствовал как судорога без всякой причины, как бы предупреждая, начинает сводить икру левой ноги.

– Полеховский, дойдем до заставы и возьмем лодку, – в отчаянии предложил я.

Юра понял, что я не поплыву, махнул рукой и шагнул в воду.

– Булавку возьми на всякий случай, – крикнул я, когда Юра стоял по колено в воде. Холодные сердитые волны уже окатывали его выше пояса.

– У меня есть.

Полеховский глубоко вздохнул и поплыл.

Мы с Колыбановым вглядывались в череду свинцовых волн, стараясь не потерять из виду пловца. Голова Полеховского то исчезала на несколько минут, и мы начинали метаться по берегу, то вдруг замечали короткий взмах белой руки.

Прошло четверть часа и пловца не стало видно. Внутри у меня все сжалась. Я вытащил из кобуры наган и, понимая всю бесполезность своего действия, выстрелил два раза вверх. Колыбанов тоже пальнул из ружья слитным дуплетом.

Скинув мокрый плащ, я залез с биноклем на высокую ель. Нигде ровная черед волн не нарушалась движением или взмахом руки. Я отыскал на противоположном берегу овальный камень, в створе которого плыл Полеховский. Затем стал рассматривать гребни волн. Дождь заливал линзы. Я снова и снова протираю их.

Надежда постепенно угасала. Надо было признать очевидное – Полеховский утонул. Я вдруг отчетливо представил себе, как его белое неподвижное тело медленно погружается в мрачную пятидесятиметровую глубину, замирает на илистом дне, и пузатые глубоководные шуки осторожно приближаются к нему со всех

сторон. Внутри противно заныло. Под ногой неожиданно треснул сук, и я чуть не сорвался вниз.

– Михалыч, ты как заместитель начальника экспедиции не должен был пускать Юрия Степановича переплывать озеро, – с осуждением произнес Колыбанов.

Я и сам понимал это не хуже коллектора – начальник отвечает за все.

Возвращаться в лагерь не имело смысла, значит, следовало идти на заставу и сообщить о трагедии и с помощью пограничников организовать поиски тела.

– Колыбанов, идем на заставу, – объявил я.

Напоследок еще раз осмотрел противоположный берег в районе лодки в бинокль. Прошло уже почти два часа с тех пор, как Полеховский уплыл. Я собрался опустить бинокль, как вдруг заметил на берегу около камня белую фигурку человека. Сначала, даже не сообщил, что это Полеховский. Положив бинокль на сук сосны, чтобы не дрожал, прижался глазами к окулярам и внимательно осмотрел берег. Сомнения исчезли – это Полеховский. Все-таки доплыл!

Колыбанов стоял рядом и теребил меня за рукав штормовки.

– Михалыч, дай я посмотрю, дай мне.

– Уйди! – отогнал я Колыбанова.

На северном берегу работал геолог Ли из урановой экспедиции и техник-геолог Володя. Один из них мог случайно оказаться на берегу, выйдя из маршрута. Дождь прекратился, видимость улучшилась, и я отчетливо увидел, что это голый Полеховский бегаёт по берегу.

– Ура! – заорал я, и три раза выстрелил из нагана вверх.

Колыбанов ударил слитным дуплетом из своего ружья.

– Живой! – я с вызовом посмотрел на Колыбанова.

В бинокль мы увидели, как Полеховский садится в лодку. Холодный мотор ему, конечно, завести не удастся. Его и теплый удавалось завести с большим трудом. Главное – добраться до нашего берега. По счастливой случайности из лодки забыли убрать весла.

Вскоре лодка достигла середины озера, но шла неровно, какими-то зигзагами. Без очков Юра почти ничего не видел.

– Колыбанов, костер! – приказал я. – И вскипяти воду для чая и бульона.

Студент бросился выполнять мое распоряжение. Делал он все ловко и быстро. Разжигать костер под дождем с одной спички я обучил его еще в прошлом сезоне.

Через десять минут большой костер ярко пылал. Лодка зигзагами приближалась к берегу. Полеховский греб изо всех сил. Когда лодка подошла ближе, Юра обернулся, и меня поразило его мертвенно-бледное лицо. Вокруг рта белела пена как у загнанной лошади.

Когда лодка причалила, Полеховский хотел встать со скамейки и не смог. Я поднял его на руки и отнес к костру. Колыбанов пихал ему в руки кружку с разведенным спиртом, но Полеховский, отказываясь и энергично тряс головой. От сильного переохлаждения он не мог говорить.

Мы растерли Юру спиртом и посадили у костра. На его ноги надели толстые шерстяные носки и засунули их в мой маршрутный рюкзак. Сверху накрыли двумя брезентовыми плащами.

Колыбанов делал безуспешные попытки напоить пловца с ложки бульоном. Полеховский отворачивался, и показывал глазами на кружку с чаем. При попытке сжать пальцы его вдруг стало так трясти, что кружка выпала из рук.

Серый день перешел в сумерки. Ночевать в лесу под дождем без палатки и здоровым не очень приятно, а после такого заплыва нужно срочно в постель. Но пройти ночью по мокрой тайге семь километров не реально. А если остаться ночевать здесь Полеховский наверняка заболит.

– Колыбанов, покорми Юрия Степановича и заготовь дрова, возможно, придется ночевать и постоянно жечь костер, – распорядился я.

– Михалыч, нам бы тоже не мешало подкрепиться, – напомнил мне студент.

– Открой банку тушенки, и налей чаю.

– А что делать со спиртом, который мы для Юрия Степановича развели, не выливать же?

– Ладно, выпей.

– Нет, давайте вместе, за то, что Юрий Степанович остался живой, а Вы, можно сказать, тюрьмы избежали.

Колыбанов, аккуратно разлил спирт по кружкам. Мы чокнулись, выпили и закусили холодной отварной лосятиной.

Я направился к лодке осмотреть подвесной мотор.

– Учти, дров нужно заготовить на всю ночь, – наказал я коллектору, – и руби только сухостой.

– Обижаетесь, начальник, – Колыбанов расчехлил топор, – знаем, что сырые дрова не горят.

На дне лодки плескалась вода. Я ее вычерпал и расчехлил мотор. Скорее всего, под кожух мотора попала вода и подмочила магнето. Но надежда умирает последней. Если только удастся завести мотор, то мы домчимся до лагеря за двадцать минут.

Сняв крышку, мотора, я вывернул забрызганные топливом свечи и прокалил их на углях костра. Надев на свечу высоковольтный провод, дернул ручку стартера. Между контактами свечи проскочила отличная искра. Другая свеча тоже оказалась рабочей. Завернув свечи в головку цилиндров, я опустил мотор в воду и собрался его завести. Но тут оказалось, что отсутствует канистра с бензином. Она осталась в лагере на берегу.

Я вернулся к костру, присел у огня и прикурил от головешки.

– Канистры с бензином нет, – ответил я на молчаливый вопрос Полеховского.

Будучи не в силах ничего сказать, Юра замычал и показал глазами на нос лодки. Я сразу вспомнил, что там у нас хранилась запасная канистра.

Мотор завелся сразу и мощно загудел, вспенивая воду за кормой выхлопными газами.

– Колыбанов! – заорал я, – тридцать секунд на сборы. Быстро тащи все в лодку.

Оставив капризный мотор работать на средних оборотах, я выскочил на берег, схватил в охапку Полеховского и затащил его в лодку.

– Что делать с бульоном и чаем? – Колыбанов держал в руках два котелка.

– Выливай! – приказал я.

Колыбанов вылил содержимое котелков в костер, и через минуту мы спустили лодку на воду.

С большой осторожностью я сбавил обороты и включил скорость. Для нашего мотора это самый тонкий и ответственный момент: если обороты слишком малы, то мотор заглохнет. При этом обычно горючим забрасывало свечи, так что их снова надо прокалить; а если обороты велики, то может срезать шплинт, крепящий гребной винт. В этом случае винт мог слететь с вала и утонуть, а запасного мы не имели. Один раз у меня такое уже случилось, но на мелком месте и через полчаса ныряния, винт я все-таки достал.

Все прошло удачно: мотор ровно загудел, набирая обороты, и лодка, задрав кверху нос, понеслась по волнам. Я взял мористее, так как у берега в темноте можно напороться на поваленное ветром дерево. На озере гуляла стоячая волна, яростно лупившая в деревянный борт.

Колыбанов перешел на нос, загораживая Полеховского от встречного ветра своим телом. Лодка выровнялась, нос ее немного опустился, и она резво помчалась по гребням волн. Впереди Богиня ночи страшная Геката гостеприимно раскинула крылья своего черного плаща. Холодный ветер, насквозь продувал мою брезентовую энцефалитку, надетую на голое тело, и я замерз так, будто долго плыл в ледяной воде.

С берега взлетела красная сигнальная ракета, это Воинов с Ефроном услышали лодочный мотор и пода-

вали нам сигнал. Заложив лихой вираж, я влетел в бухту и вырубил двигатель. Лодка мягко ткнулась носом в травянистый берег.

Нас встретил один Комиссар.

– Ну, все в порядке? – поинтересовался он зевая.

– Как в аптеке! – ответил за всех Колыбанов.

Полеховский дернул меня за рукав, и я догадался, что ему совершенно не хочется хвастаться своим героическим заплывом.

– Идите в дом, мы сейчас подойдем, – сказал я Войнову и бросил Колыбанову причальный конец.

Комиссар ушел к дому. Колыбанов небрежно привязал веревку к дереву.

– Так вот кто вчера плохо привязывал лодку, – я дернул за веревку и узел легко развязался.

Студент виновато засопел.

– Мы хотели вытащить Полеховского из лодки на руках, но он отрицательно затряс головой, показывая, что пойдет сам.

– Как же ты пойдешь, прыгать будешь с рюкзаком на ногах?

Полеховский глазами показал на свои резиновые сапоги.

– Подай, – вдруг с трудом произнес он первое слово впервые за два часа.

С помощью Колыбанова Полеховский натянул сапоги и встал на ноги. Я помог ему вылезти из лодки, но он и сам стоял уже вполне прилично.

Ефрон выслушал мой рассказ о подвиге Полеховского и назидательно произнес:

– В своей жизни, я успел совершить уйму всяких глупостей, за что сильно поплатился, но в живых остался, потому что таких не делал никогда.

Запасливый Ефрон напоил Юру чаем с сушеной малиной, а я незаметно добавил ему в кружку ложку спирта.

От сильного переохлаждения у Полеховского могло начаться воспаление легких, и я попытался заставить его проглотить сразу шесть таблеток антибиотика. Он наотрез отказался. Зная его упрямство, я напомнил советы нашего инструктора по подводному плаванию, о том, как поступать в случае баротравмы легких у водолаза. В конце концов, Юра принял таблетки.

Утром Полеховский встал, как ни в чем не бывало. И как его не уговаривали отлежаться хотя бы день, продемонстрировал всем свое упрямство и отправился в маршрут. Вот такой человек!